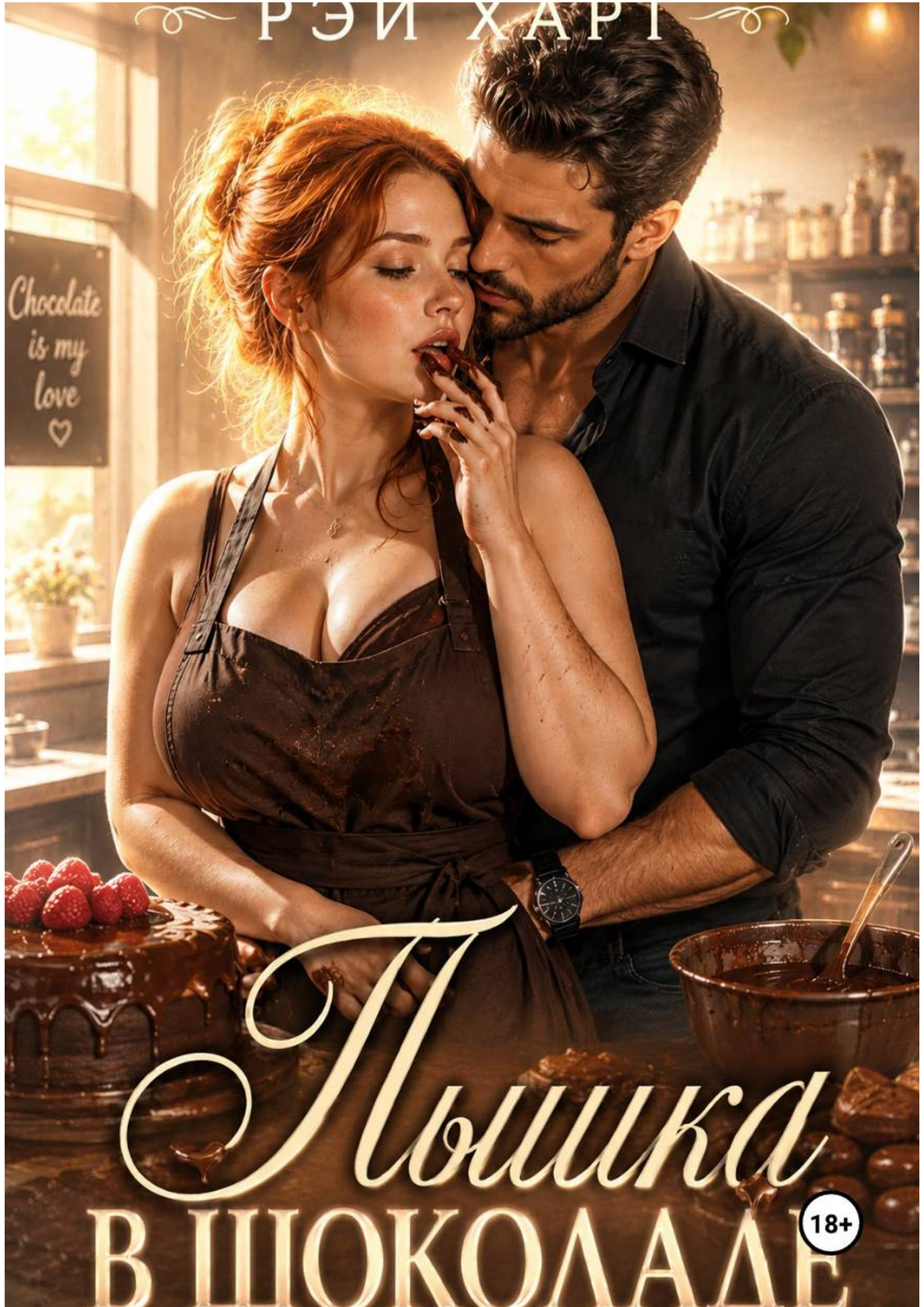

РЭИ ХАРТ

Тышка

В ШОКОЛАДЕ

18+

Рэй Харт

Пышка в шоколаде

«Автор»

2026

Харт Р.

Пышка в шоколаде / Р. Харт — «Автор», 2026

Я варю самый опасный шоколад в городе. Темперую его своими руками, вкладываю горечь, страсть и всю свою жизнь. Мое тело — не эталон, но оно настоящее. Я давно смирилась, что на таких, как я, не смотрят вслед. Пока однажды в мою кондитерскую не вошёл горец с голубыми глазами. Он молча пил горячий шоколад, оставлял чаевые. А потом оказалось, что всё это время он смотрел только на меня. Высокий, накачанный, опасный — Тимур забрал меня в горы, где воздух пьянит, а его губы не знают пощады. Между нами вспыхнуло то, что называют проклятием: я потеряла голову, отдала тело и не заметила, как под сердцем зародилась новая жизнь. Но у каждого горца есть тайна. А у каждой женщины — гордость. Он хотел жениться. Я отказалась. Он похитил меня, чтобы заставить сказать «да». И тогда началась настоящая игра. Шоколад, ложь, похищение и любовь, от которой не сбежать. Приготовьтесь: здесь будет горько, влажно и очень горячо.

© Харт Р., 2026

© Автор, 2026

Рэй Харт

Пышка в шоколаде

Глава 1. Шоколадница Мира

Я никогда не верила в любовь с первого взгляда.

Слишком много тёмного какао-масла попало в мою кровь за эти годы. Слишком много вечеров, когда я стояла у терперирующей машины и смотрела, как шоколадная масса превращается в гладкую, текучую субстанцию, не имеющую ничего общего с романтикой. Шоколад не врёт. Он либо терперируется правильно — и тогда щёлкает на языке идеальным изломом, либо расслаивается и идёт в брак.

С мужчинами сложнее.

Они могут выглядеть идеально, а внутри оказаться горькой начинкой с прогорклым маслом.

Мне двадцать семь. У меня кондитерская «Шоколадница Мира» на тихой улице в районе, который ещё помнит советские пятиэтажки, но уже обзавёлся вип-домами с подземными паркингами. Мой магазинчик — это пять столиков у окна, кофейный лист справа от входа, аромат в шоколаднице стоит такой густой, что его можно резать ножом. Старые дубовые полки, на которых стоят банки с какао-порошком из Венесуэлы и молотым ванильным сахаром. На подоконниках — герань, которую поливает Коля и каждый раз заливает, потому что у парня нет абсолютно никакого контакта с растениями.

Но шоколад он чувствует.

Коля — мой помощник. Двадцать три года, веснушки во всё лицо и взгляд преданной собаки, которую хозяин случайно погладил в детстве, и она это запомнила навсегда.

Я знаю, что он в меня влюблён. Знать — это мягко сказано. Коля краснеет, когда я поправляю его фартук. Коля мямлит что-то про «Мира, вы сегодня особенно красивы» каждый чёртов вторник, потому что по вторникам у меня выходной, и я прихожу в джинсах, а не в рабочей форме.

Он хороший. И я никогда не посмотрю на него как на мужчину.

Потому что мне нужен тот, кто сломает дверь, а не постучится вежливо и уйдёт, не дождавшись моего ответа.

Мне нужен тот, за чьей спиной я забуду, что умею думать.

Я пухлая. Не «пышечка» из каталогов плюс-сайз, которые показывают девушек с подсосом в талии, а настоящая. Грудь, которая влезает не в каждое бельё. Живот, который мягко ложится поверх джинсов, когда я сажусь. Бёдра, которые занимают полтора сиденья в метро. Но талия у меня тонкая — странный подарок генетики: торс как у античной статуи, а всё остальное — как у картины Рубенса.

Я люблю шоколад.

Поэтому я никогда не похудею.

И меня это устраивает. Потому что, когда ты готовишь шоколад своими руками — настоящий, от бобов до плитки, ты понимаешь: тело — это такая же органолептика. Оно не должно нравиться всем. Оно должно быть настоящим.

В день, когда в мою жизнь вошёл горец с голубыми глазами, я стояла у плиты и мешала соус для горячего шоколада с перцем чили.

Дверной колокольчик звякнул.

Я не подняла головы. В четыре часа дня у меня всегда очередь из офисных сотрудников, мечтающих о дофаминовой дозе после совещаний.

— Мира! — Голос Славы пробил шум кофемашины. Моя подруга сидела за угловым столиком в своём любимом кожаном платье, за которое я бы непременно дала ей скидку на напитки, но она платила всегда полную стоимость, потому что «твой шоколад — это искусство, а искусство не должно быть дешёвым». — Мира, ты видишь? Второй столик от окна. Боже, какой мужчина.

Я скользнула взглядом.

Чёрная футболка. Простая, без принтов, но сидит так, будто шили на заказ. Джинсы. Часы на запястье — массивные, с металлическим браслетом. Волосы тёмные, чуть длиннее, чем обычно носят мужчины, уложены назад, но одна прядь упала на лоб. И глаза.

Карие? Нет. Голубые. Светлые, как ледники в горах, о которых я когда-то читала в «Национальной географии».

Он не смотрел на Славу.

Он смотрел на меня.

Странное ощущение — взгляд, который прожигает не дыру, а какой-то тайный проход сквозь рёбра, туда, где пульсирует не сердце, а что-то более древнее и некультурное.

Я отвернулась к плите.

— Твои гормоны шалят, — сказала я её, помешивая шоколадный соус. — Он просто пьёт свой напиток.

— Мира. — Слава понизила голос до заговорщического шёпота. — Он пьёт твой горячий шоколад уже полчаса. Полчаса, детка. И за это время, он смотрел на только на тебя.

— Может, я испачкалась.

— Ты в белом фартуке, заляпанном какао. Есть в этом что-то первобытно-манящее.

Я фыркнула.

Но когда я подошла к его столику, чтобы забрать пустую чашку (шоколад он всё-таки допил, до последней капли), я почувствовала его запах.

Древесина. Дорогой табак, но не сигаретный. Трубочный, что ли? И горький миндаль.

Он поднял на меня глаза.

Вблизи они оказались ещё светлее. С тёмно-серым ободком вокруг радужки. И в них не было игривости, которую мужчины обычно включают, когда хотят познакомиться. Было что-то другое. Оценка. Изучение. Как будто он решал, стоит ли брать меня с собой в горы или оставить здесь, в городе из кирпича и бетона.

— Вкусно, — сказал он. Голос низкий, с хрипотцой. Акцент — неуловимый, южный, но без слащавости. — Вы делаете его сами?

— Шоколад? — я взяла чашку, стараясь не касаться его пальцев. Между нами, даже через воздух чувствовалось тепло. — Да. От бобов до плитки. Всё сама.

— Странно, — он улыбнулся. Уголки губ поднялись ровно настолько, чтобы улыбка стала опасной. — Я думал, у такого шоколада должна быть старая итальянская фамилия на табличке. А тут просто «Мира».

— Мира — это моё имя, — сказала я глупее, чем планировала.

— Я понял. — Он положил на стол купюры. Много. Неприлично много. — До свидания, Мира.

Встал. Обошёл столик. Я поняла, насколько он высокий, только когда он выпрямился во весь рост. Во мне — сто шестьдесят три. Он — под метр девяносто, наверное. Я доставала ему до плеча, если бы встала на цыпочки.

Он вышел.

Дверной колокольчик прощально звякнул.

Слава схватила меня за руку, её ногти впились в мой рукав.

— Ты что творишь? Он же положил глаз на тебя! Ты хоть видела, как он на тебя смотрел?

— Я видела только шоколадную пенку на его чашке, — соврала я. — Коля, убери пожалуйста за третьим столиком.

Коля отозвался из-за стойки угрюмо:

— Уже убираю.

Он нёс тряпку как оружие возмездия.

На чашке, которую я поставила в мойку, остался след от его губ. Я знала, что через секунду горячая вода смывает его. Но почему-то не включала кран.

...Он пришёл через два дня.

И через два дня после этого.

И ещё раз.

Всегда в четыре. Всегда заказывал горячий шоколад с перцем чили — тот самый, который я варила случайно и оставила в меню, потому что в дождливую осень он продавался лучше любого какао. Всегда оставлял чаевые. Иногда — не глядя, комком смятых купюр. Иногда — аккуратно сложенными, как будто он знал цену деньгам и не хотел оскорблять меня подачкой.

Через две недели я знала, что его зовут Тимур (он сказал, когда Слава в очередной раз пристала к нему с вопросами). Что он из Дагестана, но сейчас приехал в Москву, по делам. Что у него русская бабушка — отсюда голубые глаза, которые выглядят на его лице как чужеродная драгоценность.

— Вы часто бываете в горах? — спросила я однажды, когда в кафе не было ни души, и мы сидели друг напротив друга, разделённые мраморной столешницей. Коля и Слава беседовали о чём-то своём в подсобке.

— Часто, — он вращал чашку в руках, наблюдая, как кружится тёмная жидкость. — Горы — это место, где мужчина вспоминает, кто он есть. Город размягчает.

— Вы считаете себя жёстким?

— Я считаю себя честным, — он поднял глаза. — А честность иногда бывает жёстче любого удара.

Я не знала, что ответить. Мой язык, который умел разговаривать с поставщиками, убеждать арендодателей и уговаривать продавцов на рынке сбавить цену, вдруг прилип к нёбу.

Он заметил моё замешательство. Улыбнулся.

— Вам страшно, Мира?

— С чего бы?

— С того, что вам нравится, как я на вас смотрю.

Он сказал это так просто, что я засмеялась. Потому что весёлый смех — моя защита от правды.

— Мне нравится, как вы платите, — парировала я. — Чаевые, которые вы оставляете, спасают мой бизнес от любого кризиса.

Он откинулся на спинку стула. Руки скрестил на груди. Бицепсы напряглись под тканью футболки. Я отвела взгляд, но он уже заметил мой любопытный взгляд.

— Вы смотрите на мои руки, — сказал он тихо.

— Я смотрю на время, — я кивнула на часы у входа. — У нас через двадцать минут закрытие. Попивайте ваш шоколад и идите, сэр.

— «Сэр»? — он поднял бровь. Это было смешно — как человек с такими плечами и лицом, которое должно принадлежать воину, может быть смешным. Но он был. — Вы бы меня так назвали, если бы могли заглянуть в мою голову?

— А что там?

— Там вы, Мира. Вы и ваш горячий шоколад. Именно в таком порядке.

Я встала.

Кровь прилила к щекам. Я чувствовала, как пульс бьётся на шее — там, где воротник моей рабочей кофты расстёгнут на две пуговицы, потому что в помещении душно, а кондиционер сломался, и Коля говорит «завтра почию» уже третью неделю.

— Знаете, — сказала я, не глядя на него, — флирт — это часть обслуживания. Не принимайте на свой личный счёт.

— Я ничего не принимаю на свой счёт, — он встал. Я слышу только шум холодильника и скрип Колиной тряпки за дальним столиком. — Я беру.

И вышел.

Я наконец выдохнула.

И заметила, что чаевые остались на столе. Я взяла их, чтобы убрать в кассу.

Там была моя же визитка. С обратной стороны — номер телефона, написанный размашистым, уверенным почерком.

И ни одного лишнего слова.

Слава по привычке, пристала с распросами, что он мне там написал.

— Ничего. Абсолютно ничего.

— Мужчины, которые молчат, — облизнулась она, — самые опасные, Мира. Потому что их слова накапливаются. А потом взрываются.

Она даже не представляла, насколько была права.

Я не позвонила.

Три дня я носила визитку в кармане джинсов, перекладывая её из одних в другие, когда стирала. Потом положила в ящик стола, под старые чеки от поставщиков. Потом достала. Потом снова убрала.

На четвёртый день он пришёл сам.

Без четверти девять вечера. Я уже закрывала кафе — протирала стойку, складывала стулья на столы, чтобы Коля завтра с утра помыл пол. Колокольчик звякнул, и я повернулась готовая сказать «мы закрыты, приходите завтра».

Тимур стоял в дверях. В тёмном пальто, которое я на нём никогда не видела. С воротником, поднятым от ветра. Волосы влажные — шёл дождь, которого я не заметила за работой.

— Добрый вечер, — сказал он. Не спросил, пускаю ли я его. Просто перешагнул порог, и это было целое событие.

— Мы закрыты, — сказала я, хотя у меня не было сил с ним спорить. Плечи болели от мешков с сахаром и какао-бобами, которые я сегодня таскала одна — Коля ушёл на час раньше, сославшись на «семейные обстоятельства», которые, подозреваю, были свиданием.

— Я провожу вас до дома, — он сказал это не как предложение.

— Мне не нужен провожатый.

— Я знаю. Но будет дождь. У вас нет зонта. И идти пятнадцать минут по неосвещённым дворам.

Я замерла с тряпкой в руке.

— Откуда вы знаете, где я живу?

— Славе при мне проговорилась. На прошлой неделе. У меня хорошая память.

Логично. До безумия логично. И от этого мне стало страшно.

— Вы следите за мной? — я постаралась, чтобы голос звучал твёрже, но где-то внутри пульсировало другое — липкое, сладкое, неуместное.

Он сделал шаг ко мне. Пальто распахнулось — под ним снова простая футболка, но теперь я видела, что на шее у него тонкая кожаная верёвка с непонятной подвеской, спрятанной под тканью.

— Я ждал, — сказал он тихо. — Три дня ждал звонка. Потом понял, что вы не позвоните. Потому что вы слишком гордая. Или слишком трусливая. Я так и не разобрал.

— Оставьте мою гордость в покое.

— Не могу. — Он подошёл ещё ближе. Запах — тот же. Древесина, табак, горький миндаль. Но теперь к нему примешивалось что-то мокрое, дождевое, живое. — Вы мне нравитесь, Мира. Не так, как нравится ваш шоколад или хорошая погода. По-другому. По-плохому.

— По-плохому, как это?

— Такому, от которого не спится по ночам.

Он взял тряпку из моих рук. Положил на стойку. И поместил мои ладони в свои.

Пальцы у него оказались шершавыми. Мозоли на подушечках — от спорта? От работы? Я не знала. Я знала только то, что мои ладони — вечно горячие от плиты — показались мне ледяными от его тепла.

— Вместе закроем кафе, — сказал он. — Вы переоденетесь. И я провожу вас домой. Просто чтобы убедиться, что вы дошли.

— А если я не хочу?

— Тогда я постою под вашими окнами до утра. И вы будете страдать, от того что кто-то вас ждёт на холоде и под дождём.

Он улыбнулся той улыбкой, которая делала его похожим на мальчишку. И я поняла, что пропала.

Я закрыла кафе сама — не потому, что не доверяла ему, а потому, что нужно было сохранить хотя бы иллюзию контроля. Он ждал у входа, прислонившись к стене, глядя в мокрый асфальт, и смешно курил воздух. Без сигареты. Просто выпускал облачка пара в холодный воздух.

Мы шли молча.

Он не брал меня за руку. Не пытался сократить дистанцию между нами. Шёл сбоку, чуть позади — так, чтобы видеть всё пространство вокруг. Я заметила, как он сканирует подворотни, как напрягаются его плечи, когда мимо проходит группа пьяных парней.

От него так и веяло силой и контролем.

Когда мы дошли до моего подъезда, он остановился в трёх шагах от двери.

— Спасибо, — сказала я. И почувствовала, как глупо это звучит.

— Не за что, — ответил он.

И всё.

Я ждала. Чего-то ещё. Взгляда. Шага в мою сторону. Фразы «можно подняться?».

Но он просто кивнул и пошёл обратно, в дождь.

Я смотрела ему в след, как его высокая фигура уменьшается в мокрой темноте. Как он зажигает телефон, чтобы осветить лужу. Он так ни разу не обернулся.

И почему-то именно то, что он не обернулся — задело меня больше всего. Я от себя такого никак не ожидала.

Через две недели мы уже разговаривали каждый вечер.

Он приходил в кафе к самому закрытию. Мы сидели за угловым столиком, я доедала свой ужин (вчерашний брауни, который не поднялся, но на вкус был божественным), он пил кофе без сахара.

Я рассказывала про бобы из Ганы, которые пришли с плесенью, и про Колю, который уже много месяцев влюблённо вздыхает у плиты.

Он рассказывал про свои горы — так, что у меня внутри разворачивалось что-то огромное, зелёное, дикое. Про водопады, которые падают с высоты трёхсот метров, и про воздух, который пьянит без алкоголя. Про тишину, которая звенит в ушах после шумного города.

— Вы бы поехали со мной? — спросил он однажды.

Я поперхнулась.

— Куда?

— В горы. Всего на неделю. Посмотреть своими глазами. Понять их красоту. Потом вернуться.

Я смотрела в его глаза — ледниково-голубые. В них не было и грамма весёлости.

— Мы знакомы всего месяц, — сказала я.

— Всё верно.

— Мне двадцать семь. Я ещё ни разу не путешествовала с мужчиной.

— Значит, это будет в первый раз.

Он не давил. Не уговаривал. И это меня серьёзно зацепило.

И я сразу поняла, что поеду.

Потому что перед ним я забывала о своём теле, о лишнем килограммах, о том, что шоколад на моих пальцах выглядит неэстетично. Перед ним я была просто женщиной, которая умеет делать самый вкусный шоколад в городе и которая боится только одного — не попробовать, каково это, когда сногшибательный мужчина смотрит на тебя с таким интересом.

Коля узнал эту новость от Славы. Его лицо вытянулось так, что я едва не рассмеялась — хотя смешно не было.

— Вы серьёзно? — спросил он, когда мы остались одни в подсобке. — Уехать с мужиком, которого вы не знаете? Да ещё в горы?

— Я знаю достаточно.

— Вы не знаете, где он живёт! Кто он! Чем занимается!

— Я знаю, что он каждый вечер провожает меня до дома. Знаю, что он помнит, какой шоколад я люблю (тёмный с морской солью). Знаю, что он не курит, не матерится и убирает за собой чашку. Этого достаточно.

— Этого недостаточно! — Коля почти кричал. Веснушки на его лице стали красными, как ожог. — Мира, вы... вы просто не видите, что он вам не подходит! Он вам не ровня!

— Потому что он богат? — я сложила руки на груди. — Или потому что он просто красивый мужчина?

— Потому что он... — Коля запнулся. Я видела, как он борется с собой. Как слова «потому что я вас люблю» висят в воздухе, но не проходят сквозь зубы. — Потому что он чужой вам.

— Ладно, Коля. — Я положила руку ему на плечо. Он вздрогнул. — Я вернусь через неделю. Кафе оставляю на тебя. Слава обещала, она обязательно поможет.

Он выдохнул и вышел из подсобки, хлопнув дверью так, что со стены упала табличка с ценами.

Я осталась одна. Посмотрела на свои руки — в шоколадных разводах, с короткими обрезанными ногтями, без колец, без браслетов.

На вид, самые простые руки.

Но почему-то именно их Тимур брал и зажимал в своих ладонях, каждый раз, когда уходил.

Глава 2. Выше облаков

Мы летели ночным рейсом.

Я не могла сомкнуть глаз всю дорогу — смотрела в иллюминатор на огни Москвы, которые становились всё дальше, потом исчезли в облаках. Тимур сидел рядом. Взял меня за руку — спокойно, как будто мы летали вместе тысячу раз.

— Боитесь? — спросил он.

— Высоты? Нет. А вот неизвестности — да.

— Неизвестность закончится завтра утром. Вы увидите горы, и все ваши страхи покажутся глупыми.

— Я сейчас не о горах.

Он повернул мою руку ладоню вверх. Пальцем провёл по линии жизни — так, что я почувствовала, как ускоряется пульс не на запястье, а где-то внизу живота.

— О нас? — спросил он.

— О себе.

— Бояться себя — самое бесполезное занятие, Мира. Себя нужно знать хорошо.

— А вы знаете себя?

Он усмехнулся. Свет в салоне погас, и я не видела его лица, только слышала дыхание — ровное, глубокое.

— Я знаю, что сделаю вам больно. Вопрос не в этом. Вопрос в том, сможете ли вы меня простить после этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.